

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

ОТ БРАКА К РАЗВОДУ И ОБРАТНО. ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСТРАЗВОДНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Лактюхина Елена Геннадьевна*

Кафедра социологии, Волгоградский государственный университет,
Волгоград, Россия

Цитирование: Лактюхина Е.Г. (2017) От брака к разводу и обратно. Исследование постразводного поведения. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 20(2): 62–81.

Аннотация. В статье предложены результаты исследования постразводного поведения — темы, которая стала актуальна в середине 1970-х гг. Существует несколько тенденций в изучении данного вопроса. Первая связана с работой Дж. Бернарда «Будущее брака» и концентрируется вокруг гендерной специфики восприятия развода. Вторая тенденция берет начало с выходом «Трактата о семье» Г. Беккера, исследования в этом русле направлены на выявление взаимосвязи между вероятностью заключения повторного брака и социальным статусом партнеров. Еще один исследовательский фокус задает книга К. Хакстафа «Брак в культуре развода», для которого характерна интерпретация развода как «встроенного» в брак, являющегося новой нормой. Отталкиваясь от последней точки зрения, автор предлагаемой статьи ставит перед собой задачу реконструировать траекторию брачного поведения после развода.

На материалах глубинных интервью с информантами, имеющими опыт развода, выявлены стратегии постразводного поведения в зависимости от их переживания ситуации развода (как травмы, как освобождения или формальной фиксации давно не существующего союза) и собственной роли в процессе развода (инициатор — оставленный партнер). Был сделан вывод о том, что супруги собственное поведение и поведение бывшего брачного партнера оценивают сообразно моральным правилам развода. Так, однозначному осуждению подвергается установление нового партнерства в первый год после развода, что определяется как «предательство» по отношению к распавшемуся браку, собственная постразводная карьера также строится в соответствии с этим правилом.

Ключевые слова: брачное поведение, постразводное поведение, биография развода, жизненный курс

---

* E-mail: Laktyukhina@volsu.ru

Введение

«На волю, всех на волю!» — как сообщает бургомистр, с этими словами герцог, будучи в некотором нервном перевозбуждении, подписал несколько прошений о разводе, в том числе и барона Мюнхгаузена. В фильме, вышедшем на экраны в 1979 г., мы видим непростую жизненную ситуацию барона: он желает получить развод, чтобы жениться на своей возлюбленной, с которой давно живет вместе. Действие происходит в Германии, согласно сюжету фильма, в 1779 г., однако изображаемая семейная история показывает зрителю его настоящее: советская семья на пороге серьезных изменений. Уровень разводов, по сравнению с предыдущим десятилетием, вырос более чем вдвое, через десять лет уровень брачности существенно упадет, а через двадцать — сбудется мечта традиционалистов: возраста брачного, сексуального и репродуктивного поведения сблизятся, правда, не на основаниях высокой морали, а благодаря сексуальной революции с ее ранними рождениями, частыми разводами, одиноким материнством и высочайшим уровнем абортот. Развод станет непроблематичным, распространенным, обыденным, не стигматизируемым, институционализированным, т. е. станет новой нормой.

В большинстве стран Европы и в США юридические ограничения развода заменяются кодексами, признающими консенсусный и даже односторонний развод. Индивидуализация развода и деинституционализация брака, снижение силы социальных норм, регулирующих механизмов семейной жизни подчеркивают возрастающую роль личного выбора. Целью данной статьи является анализ того, как формируется дальнейшее брачное поведение индивида в ситуации завершения первого официального брака разводом.

Обзор теорий

К 1970-м гг. набирается критическая масса текстов, посвященных гендерной специфике восприятия брака и развода, постразводное поведение становится самостоятельной темой исследования в социологии и психологии. В 1972 г. выходит книга Дж. Бернارد «Будущее брака», в которой она говорит, что разрыв мужских и женских интерпретаций супружества настолько велик, что можно говорить о «его» и «ее» браке (Bernard 1972). В дальнейшем исследователи сходятся на том, что брачный статус несет больше дивидендов мужчинам, а качество брака больше интересует женщин (Williams 2003). Эта идея способствовала развитию целого ряда вопросов в области постразводного поведения и его гендерной специфики. Близкими гендерному подходу являются исследования советских социологов семьи. Пионерские для СССР работы о разводах Б.А. Грушина, А.Г. Харчева, А.Г. Волкова и Л.Е. Дарского сосредоточены на поиске и анализе причин раз-

водов с разделением их на «мужские» и «женские» не только в зависимости от видения ситуации развода, но и в отношении атрибуции вины за распавшийся брак (Грушин 1963; Харчев 1979; Развод 1979). Исследование причин разводов — довольно распространенная тема и в более поздних исследованиях брака (Седельников 1992; Синельников 1992).

С выходом в 1981 г. «Трактата о семье» Г. Беккера постразводное поведение начинает измеряться с точки зрения выгод и издержек (Becker 1981). Эмпирические исследования, проводимые в большом объеме в этом русле, устанавливают разного рода взаимосвязи между вероятностью заключения повторного брака и профессиональным статусом (Jacobs, Furstenberg 1986; Oppenheimer 2003; Williams 2003), уровнем финансового благосостояния (Coleman, Ganong 1990), уровнем образования (Mott, Moore 1983; Teachman, Nechert 1985) и т. д. В этом методологическом ракурсе дети выступают агентом, который вносит коррективы в постразводное поведение родителей, ограничивая временные и финансовые ресурсы, при этом чем старше дети, тем больше возможностей у их родителей заключить повторные браки. Так как дети в подавляющем большинстве живут с матерями, женщины испытывают больше негативных последствий развода (Chiswick, Lehrer 1990; Becker, Landis, Michael 1977; Sweeney 1995; Седельников 1992; Гурко 2008).

Еще один корпус текстов, концептуализирующих постразводное поведение, связан с работой К. Хакстаф «Брак в культуре развода». К. Хакстаф связывает события 1970-х гг. — рост разводов среди поколения бэби-бума — с поворотным моментом в том, что американцы считали браком (Hackstaff 1999). Анализируя значение развода для двух поколений супружеских пар среднего класса (браки 1950-х и 1970-х гг.), К. Хакстаф констатирует закат культуры брака и наступление культуры развода. Первая базируется на трех идеях: брак есть данность, брак заключается навсегда, развод является последним средством, возможным только при крайних обстоятельствах. Культура развода, напротив, рассматривает брак как один из вариантов форм отношений, брак контингентен, развод становится нормальным способом решения проблем. Пары, заключавшие союз в 1950-х гг., принимали культуру брака как самоочевидную, бесспорно, хотя некоторые и призывались, что мысли о разводе у них возникали, но они так и оставались нереализованными. Равенство мужчин и женщин, за которое боролись эти поколения, имело место только в публичном пространстве, позже эта идея захватывает и частную жизнь. Переход к гендерному равенству расстраивает институциональные механизмы и семейные обязательства, производит сдвиг в эмоциональной работе по поддержанию отношений. В наступившей культуре развода женщины снимают с себя ответственность за сохранение брака. Крайняя форма этой позиции излагается А. Хохшильд: для женщин работа

становится местом, где их усилия вознаграждаются, где они получают помощь и положительные эмоции — то есть «домом» (Hochschild 2013). Этот процесс А. Черлин описывает как второй поворот в современной семье*: от партнерского брака к индивидуализированному, в котором превалирует ценность личного выбора и саморазвития. При этом символическая ценность формального союза выросла, он стал маркером престижа и личных достижений. Последствием для брака становится не только его деинституционализация, но и отсутствие норм для распространившихся брачных практик. Супруги в первом браке могут рассчитывать на хорошо известные нормы, например, когда уместно дисциплинировать ребенка, но как вести себя с детьми своего брачного партнера в сводной семье? (Cherlin 2004: 848). Практики постразводного поведения не институционализированы, следовательно, индивидам приходится вырабатывать новые способы действия в конфликтных ситуациях, разрабатывать новые правила путем переговоров и экспериментов, кроме того, перед супругами встает задача интеграции этих союзов в большие сети друзей и родственников.

Исследователи развода и постразводного поведения различных методологических ориентаций сходятся в следующих выводах. Постразводное поведение — это поле неопределенности для индивидов, повторные браки (равно как и другие формы союзов после развода) реализуются в принципиально иных условиях по сравнению с первыми. Постбрачное поведение мыслится как неоднородное. Во-первых, оно связывается с воздействием различных по силе факторов: материальный достаток, наличие детей, возраст супругов, сфера занятости, образование и т. д., во-вторых, оно поддается типизации, в-третьих, зависит от интерпретации собственного жизненного пути индивидом, оценки субъективных последствий развода. В этом контексте наибольший интерес представляют правила и практики постразводного поведения, их выбор и способы презентации индивидом.

Методы исследования

В данной статье представлены отдельные результаты комплексного исследования постразводного поведения «Постбрачные практики, структура и функционирование рынка повторных браков в современной России» 2015–2016 гг., цель которого — выявление механизмов формирования рынка повторных браков и типология стратегий постразводного поведения. На первом этапе исследования был проведен массовый анкетный опрос, объем выборки составил 415 человек. По результатам опроса сформулиро-

---

* Первый — от институционального брака к партнерскому — описан Э. Берджессом (Burgess, Cottrell 1936: 737–751).

ван гайд для интервью. Далее проведена серия глубинных интервью с целью выявить интерпретацию и моральную оценку собственного брачного статуса лиц, переживших развод, структуру постразводного поведения (время наступления следующего брака, реализация репродуктивных установок, выбор партнера) и описать стратегии постразводного поведения с точки зрения конкретной биографической ситуации. Массив данных составляют 19 интервью (10 женщин и 9 мужчин) с информантами в возрасте от 21 до 35 лет и 18 интервью (10 женщин с 8 мужчинами) с информантами в возрасте от 36 до 50 лет. Возрастные группы были выделены на основании того, что в первой вероятность рождений и заключения повторных браков максимальна, во второй вероятность подобных событий значительно ниже. Критерием отбора информантов было наличие опыта расторжения брака (одного или более). Все информанты родились и проживали на момент развода в крупных городах (Волгоград, Ростов-на-Дону, Чита, Баку, Москва, Новосибирск), имеют высшее образование, заняты в сферах муниципального управления, образования, частного предпринимательства.

Информанты имеют различные временные интервалы между разводом и вступлением в новые партнерские отношения, а также различаются наличием и отсутствием детей. Интервью направлены на реконструкцию жизненной траектории: заключение первого брака, рождение детей, принятие решения о разводе, ситуация развода, постразводный период (общение с бывшим брачным партнером, изменения в общении с детьми и другими родственниками, последствия развода, выбор партнера и т. д.). Анализ был проведен на двух уровнях, что соответствует парадигматическому подходу обоснованной теории (Стросс, Корбин 2001; Забаев 2011). На первом уровне были определены основные понятия, обобщающие закономерности, полученные индуктивно из эмпирического материала, на втором — сформулированы и дополнены стратегии информантов и правила их реализации.

Результаты исследования

1. «И грянул гром»: развод как травма

В ситуации, когда распад брака происходит неожиданно для информанта — он случайно узнает об измене или брачный партнер сообщает о своем решении развестись, — нарратив супругов сопоставим с нарративом жертв насилия и переживших смерть близкого родственника. Это событие описывается как произошедшее внезапно, «как гром среди ясного неба»:

«Мы с сыном вечером пошли к папе в гости, взяв еще бутылку шампанского отметить его новоселье. А открывает дверь уже другая девушка. Так я узнала. И все на этом закончилось. Вот та ночь у меня была ...родители

у меня очень далеко, совет спросить не у кого, к родителям мужа тоже уже не поедешь, уже вечер был. Вот эта ночь у меня была решающей, по сути, я остаюсь с ребенком, но хотя бы при работе. А утром я начала уже пытаться, чтобы кто-то мне хоть что-то объяснил и рассказал. И то, только по телефону, он мне позвонил и сказал, что да, я свинья, у меня другая женщина. Я говорю, а нам как быть, что делать? — «Что хотите». Потом это все закипело, родители — то они ко мне, то я к ним. У него еще родные брат и сестра, они все были на моей стороне, но никто ничего сделать не мог, каждый день ко мне кто-то приходил, кто-то со мной был. У меня было все: я и истерила, и плакала, даже один раз решила: ну все, вот сейчас напьюсь хорошо, и мне станет легче, я еще и сигарет купила, а я не курю. Такая сложная была обстановка, я себя накручивала. Вот, вечером выпила бутылку водки, выкурила пачку сигарет, и не отравилась — ничего. Наутро просыпаюсь с больной головой, лежу на диване, как прилегла, так и есть, а ребенок, Санька, он тогда еще в первый класс ходил, тоже в одежде рядом свернулся как в утробе, какой-то чумазый, в шапочке, никто его спать не уложил, никто не покормил. Я вот это увидела, подумала, боже мой, что я творю. Самое дорогое мое — оно со мной» (ж., 46 лет).

Описание информантами ситуации, когда они узнали об измене или намерении супруга развестись, как события, разделяющего жизнь на «до и после», заставляет нас обратиться к социальным исследованиям травмы. По определению исследователя trauma studies К. Карут, «травмой может оказаться любое событие, произошедшее на мгновение раньше, чем это необходимо для того, чтобы стать частью нашего полноценного опыта» (Карут 2009). Неожиданность происходящего порождает невозможность изложения события, создает разрыв между переживанием (проживанием) события и его осознанием. Единицей повествования становится не собственно событие, а переживание, нарративная структура рассказа уступает место описанию переживаний. Год после пережитых событий описывается как выпавший из жизни: «я не помню, что я делала», «как во сне», «боль», «неужели это произошло со мной». Событийно переживание травмы связано с переездом в другой город, сменой места жительства, ремонтом и т. д. Такое поведение помогает избежать постоянного возвращения и проживания травматического события в виде воспоминаний. Именно «в самом факте невыразимых воспоминаний, бессознательных фиксаций, навязчивых повторений и нежеланных флэшбэков» (Мороз, Суверина 2014: 60) исследователи вслед за З. Фрейдом усматривают собственно травму, а не в травматическом опыте как таковом.

Восприятие развода как сильной травмы характерно в ситуации, когда супруг не был инициатором разрыва, он воспринимает себя жертвой реше-

ния, принятого партнером: «он меня поменял на другую», «я была брошенная», «она меня променяла». Отношения с бывшим супругом могут носить характер маятниковых встреч, сопровождаемых возобновлением интимной близости, осознанием невозможности продолжения супружеской жизни в прежнем режиме, новым расставанием. Супруг, переживающий травму, стремится продолжать отношения, испытывая надежду на примирение и восстановление брака: как правило, надежда возродит отношения с бывшим супругом рушится только когда он (она) вступает в повторный брак (Whiteside 1982):

«Когда узнала, что он женился... Он женился довольно рано: в январе мы забрали документы, в феврале мы еще очень активно общались, летом я летала в Италию, и он меня встречал, это был июль, в августе он встречает эту даму и через год они женятся. ... Когда у него дочка родилась, это опять был для меня удар» (ж., 30 лет).

«Периодически раза два-три он приходил, ночевал даже дома у нас, он говорил: “Как-то все идет не так, все тяжело, я как будто сам не свой, это как будто выше моей воли, я понимаю, что я дурак, я предал тебя”. Даже и заканчивались эти разговоры как нормальные семейные супружеские отношения. И он не обрубал отношения резко. И я не обрубала. Так это тянулось» (ж., 46 лет).

В ситуации интерпретации развода как травмы, а себя как жертвы обстоятельств (или чужого решения) постразводное поведение в первые годы включает поиск нового партнера. Он не воспринимается как партнер для вступления в брак, такие отношения описываются в категориях заботы и поддержки, оказываемой новым партнером.

«[Когда вы начали устраивать свою личную жизнь?] Сразу, прям сразу. Когда мы с ним [мужем] поняли в апреле, что мы расстаемся. У меня есть в Москве знакомый, который меня вытянул в первый год из моей... я не люблю слово “депрессия”... из какого-то непонятного состояния. ... Мне нужен был человек, который просто встал на место пустоты. Если бы я осталась наедине с собой ... Все было ужасно: я уезжаю в другой город, денег нет, плюс эта общага, и самые близкие люди, друзья остались здесь. И Саша [новый партнер] ... в тот момент у меня были разные мысли, конечно, никакого бы суицида я не совершила, но я себя так поедала изнутри: я была одна во всем виновата, я была брошенная, одинокая» (ж., 31 год).

«Практически сразу. В том же году. И у нее [новая девушка] была обида на развод, и у нее был перевалочный пункт, но на самом деле я ей искренне благодарен, она оказалась в нужное время в нужном месте, такую психологическую нагрузку после развода она сняла, у нас были три счастливых месяца. И она свою боль-печаль перетерпела относительно комфортно, и я. И потом она пошла дальше» (м., 36 лет).

Помимо психологического убежища, новый партнер помогает индивиду после развода нормализовать актуальную ситуацию, интерпретировать происходящие события как собственное решение продолжать «нормальную жизнь».

2. Избавление

Для длительного процесса развода — когда от осознания одним из супругов невозможности продолжения взаимодействия в прежнем режиме до принятия решения о расставании проходит около двух лет и более — характерна интерпретация ситуации в терминах освобождения, избавления, начала новой жизни. Супруг, испытывающий недовольство своим положением в браке, стремится его выразить. Если положение дел, не устраивающее одного из партнеров, не изменяется, происходит смена интерпретационных схем: понимая, что желаемый режим взаимодействия невозможен, супруг готовится к расставанию, начинается эмоциональный развод. Когда эмоциональные связи разрушены, оформление официального расторжения брака не является проблематичным для супруга и вспоминается как формальная бюрократическая процедура:

«Крылья выросли. Я увидела, что, оказывается, есть солнце, цветы цветут. Облегчение, мне было хорошо. Мне настолько было хорошо — не знаю, не было изменений, я как общалась со своими друзьями, подругами, так и продолжала с ними общаться. Изменений в отношениях не было. Я хорошо зарабатывала, а тем более когда жила с родителями, они мне сказали, что моя зарплата это мои деньги, на питание у меня ничего не уходило, поэтому я не испытывала никаких трудностей» (ж., 50 лет).

Разрыв отношений и развод осуществляются актором в удобное для него время, это может быть отпуск, окончание учебы ребенка или оформление его в детский сад и т. д. Как правило, в такой ситуации информант плохо помнит время развода, т. к. оно событийно и эмоционально не насыщено, он скорее помнит ситуацию принятия собственного решения о расставании, считая ее завершением брака:

«Я терпела: может, что-то изменится, может, что-то по-другому будет. Я уже работала, могла себя обеспечить, вышла из декретного отпуска, ребенок уже в сад ходит. Может, это сыграло свою роль, я понимала, что я так больше жить не могу» (ж., 49 лет).

В отличие от ситуации травмы, при длительном предразводном процессе поведение бывших супругов характеризуется осознанным поиском партнера или установлением новых отношений, временных или постоянных:

«Я молодая, мне 23 года, я разошлась с мужем — естественно, должен быть мужчина рядом, встретились и достаточно. Наверное, потому, что был такой опыт, встречались — все было хорошо, расписались — все стало плохо.

Наверное, на уровне подсознания. <...> На тот период я для себя сделала вывод такой: чтобы я еще раз вышла замуж — никогда в жизни» (ж., 49 лет).

3. Из брака в брак

Довольно распространенной стратегией постбрачного поведения — в первую очередь среди мужчин — является переход из одного брака в другой зарегистрированный или незарегистрированный союз. Как правило, отношения с новым партнером начинаются задолго до официального развода, в ситуации эмоциональной отчужденности супругов. В такой стратегии нет «временного зазора» между союзами, и часто они продолжают существовать параллельно до расторжения официального брака:

«У нас был свой бизнес, я практически из дома не выходила, я занималась бухгалтерией. Мне было скучно, мне хотелось интересно провести время, мальчик симпатичный, в пятьдесят лет будет поздно, а если это ошибка, то это будет моя ошибка, мой опыт, зато я в старости не буду жалеть, что я что-то не сделала, мы встретились первый раз, второй и как-то так пошло. Мы встречались на даче, у него родители дома, у меня ребенок. Муж мне все противнее становился, я думала: а еще плакала по нему, а теперь мне стало все равно, я даже хотела, чтобы он встретил какую-то свою девушку. Муж чувствовал. И говорит, давай, рассказывай всё как есть. Я говорю — да, есть» (ж., 33 года).

Для информантов, реализующих такую стратегию, особенно характерно проводить операции сравнения бывшего и нынешнего партнера, представлять гипотетическую альтернативу продолжения распавшегося брака. Важно отметить, что в нарративах этих информантов первый брак представляется как данность, а развод — как собственное решение:

«С первых моментов было ясно, что это совсем другой человек, без каких-то заскоков: “Обязательно нужно поехать отдыхать за границу”. У нас отдых какой-то был странный, она [первая жена] уходила на пляж, а я с ребенком гулять, “Я, что, сюда приехала, чтобы вы на горках катались?”. А здесь [во втором браке] я сталкиваюсь с тем, что человеку [второй жене] не интересен пляжный отдых, при том что она любит путешествовать, но это не самоцель, у нее здоровое отношение ко всему» (м., 37 лет).

«Если можно было бы что-то изменить — года на три раньше бы разведалась. У меня колоссальное терпение. Я думала, во всех семьях так. Даже сейчас мой молодой человек, если он не может помочь деньгами, он помоеет посуду, подметет, муж за двенадцать лет ничего не сделал, хотя нет, один раз он сварил борщ, когда я была беременна. Он [новый партнер], если я попрошу, то ребенка куда-то свозит... полная противоположность» (ж., 34 года).

Стремительно заключаемый повторный брак характерен и для переживающих развод как травму, когда «спаситель» становится брачным партне-

ром. Однако наложение во времени двух браков оказывает негативное влияние на новый союз. Переживание распада предыдущего брака продолжается в новом, что вызывает чувство ревности у нового партнера и может препятствовать установлению близких, интимно-личностных связей. Основное внимание супруга в таком положении сосредоточено на эмоциональных потребностях, стремлении не чувствовать себя оставленным. Находясь в повторном браке, информанты отмечают ценность уникальности первого брака как союза, с которым были связаны надежды на его долговечность и нерушимость. Так, отмечая большее эмоциональное благополучие и удовлетворенность повторным браком, супруги осознают его субъективную меньшую ценность в сравнении с первым браком и допускают возможность очередного развода:

«Это все время как некая тень. Жена говорит: “Ты слишком часто вспоминаешь”, пусть я даже негативно говорю, ей неприятно, теперь я стал за собой следить, она сама иногда вспоминает и меня подкалывает. Это не мешает нашему браку, но у меня комплекс, я оказался, так сказать... комплекс есть, что я не смог семью удержать, я брошенный, б/у-шный, но меня жена в чувства приводит: “Ты не брошенный, ты опытный”. <...> Сейчас у меня уже пошло чувство, что я в чем-то виноват. Она [вторая жена] мне грамотно мозги вправляла, хотя было видно, что ей неприятно [слышать о первой жене]. Сейчас она иногда ерничает: “Это вот ты в прошлом браке так научился посуду грязную оставлять?”» (м., 37 лет).

«Все может быть. Если бы я была моложе, если бы мне было 30 или 40 лет, было бы очень тяжело, я привыкла к этому человеку, есть какие-то чувства, а так как мне уже за 50, мне, конечно, будет тяжело, но не настолько. Может, в силу возраста, молодость проходит. Раньше мы общались больше с друзьями и, когда я осталась одна, все стали как-то отходить, и пары семейные старались меня не приглашать, потому что я молодая, опасность молодой женщины. А сейчас основная масса женщин — такие как я. Если на этом брак закончится и будет развод, я уже не пойду на другие отношения, скажем так, мне этого достаточно уже. Я буду заниматься внуками, сейчас чувствуешь, что отдаешь уже больше им» (ж., 51 год).

4. Детский вопрос

Два разных модуса восприятия развода (жертвы и творца своей судьбы), для которых характерны разные способы переживания и проживания развода, объединяет схожее отношение к повторному браку, а именно страх повторения «ошибки». Следствием этого становится частый выбор сожительства в качестве альтернативы браку среди групп старших возрастов. При этом мы можем различать «мужской» и «женский» варианты постразводного сожительства. Женщины в возрасте старше 35-40 лет, имеющие детей от

первого брака, склонны оценивать себя как «невест» с низкими шансами на брак, следовательно, чаще соглашаются на незарегистрированный союз. Ребенок позиционируется как активный действующий субъект в собственном постразводном поведении, он принимает участие в обсуждении кандидатуры будущего приемного отца и нередко наделяется матерью правом блокирующего голоса. Требования к партнеру концентрируются вокруг его родительских качеств:

«На работе познакомились. Он взял своей настойчивостью и опять-таки отношением к ребенку <...> я просто сравнивала, вот пришел Коля [новый партнер] и он принес ребенку что-то вкусное, тем более это был Север, однажды он в конце октября принес арбуз, где он его взял, я не знаю, а в это время у нас сидел папа [бывший муж], а он пришел так, “вот он я, любите меня”, и реакция ребенка: она про папу забыла — она увидела арбуз, папа был обижен» (ж., 49 лет).

«Да, если бы у них [новый партнер и дочь от первого брака] были плохие отношения, я бы с ним в принципе не жила. Как она говорит, он для нее папа. Хотя она его по имени называет. Она как-то мне сказала: “Мама, а можно я Толика буду папой называть?” Я сказала: “Нельзя, у тебя есть папа”. Сейчас она может его в шутку назвать “отец”» (ж., 50 лет).

Наличие ребенка может выступать и катализатором официальной регистрации брака, в ситуации, когда сожителство недопустимо для матери:

«Пару раз он предлагал: “Останься у меня на выходной”, но на выходной я еще могла остаться, на субботу и воскресенье. А потом он задал вопрос: “Может, передедешь ко мне?” Вот тогда я сказала: “Просто так я переехать не могу, если ты так ставишь вопрос, то я одна без ребенка не могу, а просто так переезжать, как абы кто, я так тоже не буду делать”. — “Тогда женимся”. Даже предложение о замужестве получилось не совсем через то место. Получилось, наверное, так, он побоялся меня потерять. Но я уже не могла ребенка второй раз предать, получается, его раз предали [уход отца из семьи], это он, может, многое и не рассказывает, но внутренне переживал. <...> [Сожительство] с ребенком неприемлемо было, такой стереотип был, не знаю, казалось, я не имею права в его глазах, чтоб он видел мужчин, которые... мало ли, не сложатся отношения, значит, будет еще какой-то мужчина, еще, мне казалось, что это стыдно перед сыном. И для него какой-то мотив: если уж ты выбираешь, то ты должен, прежде чем пойти на этот шаг, обдумать» (ж., 46 лет).

Партнер женщины в разводе часто также имеет опыт разрыва супружеских отношений, что сближает их общностью травмы. «Мужской» вариант постразводного сожительства отличает отсутствие проживающих вместе с отцом детей, следовательно, они гораздо меньше влияют на его брачные стратегии. Кроме того, мужчины имеют большее число брачных альтерна-

тив, т. к. в этот круг попадают и более молодые женщины без детей и брачного опыта, для женщин после развода партнеры с такими качествами менее доступны. Это сказывается и на постразводном репродуктивном поведении. Информантки, имеющие детей от первого брака, находясь в незарегистрированном союзе, интерпретируют рождение ребенка как риск. Следовательно, если регистрация брака откладывается на долгое время — последующие рождения могут не наступить:

«Как-то вначале я все думала: а вдруг не сложится, второй ребенок, наверное, не нужен. Ну и, кстати, он не настаивал, наверное, это основное, что он не настаивал на ребенке. А потом, когда мы уже расписались, — когда мне уже было 39, он мне стал говорить: “Давай, родим дочку”, я: “Нет, дорогой, поздно”. 39–40 лет, я считала, что поздно. Наверное, боялась менять свою жизнь, по сути, ставить ее с ног на голову. Уже есть взрослая дочь, она учится в институте, мы самостоятельные, ничем не привязаны, наверное, еще это. Сейчас, конечно, думаю, что надо было родить все-таки. Он мне и сейчас говорит: “Давай родим”» (ж., 49 лет).

«На третьего ребенка я бы не пошла. Если честно, да, я была беременна от него, но я не стала рожать. Я с ним поговорила, сказала, наверное, не нужен нам сейчас ребенок? В силу того, что я пережила эту трагедию, что я осталась одна с двумя детьми и, наверное, я не была уверенная в нем, будем ли мы вместе, каковы будут наши отношения в дальнейшем. Родив ребенка, все-таки женщина остается с ребенком. Хотя я была уверена, что он будет ребенку помогать. Сейчас, оставшись с ним, зарегистрировав отношения, я ловлю себя на мысли, сколько было бы сейчас ребенку этому. Для меня это грех большой был. Может, тогда надо было оставить этого ребенка. Но тогда он не настаивал на этом. Не сказал: “Оставь”. С его стороны не было желания такого. Хотя сейчас он говорит: “да, действительно, может быть, и нужно было родить”, сейчас ребенок бы уже ходил в школу» (ж., 50 лет).

Правила хорошего развода

Если, находясь в первом браке, супруги склонны оценивать существующий порядок как идеальную картину семейных отношений, то после развода фокус сравнения смещается в сторону распавшегося брака. Новому союзу даются критические оценки исходя из того, насколько он лучше или хуже распавшегося брака. В проводимых операциях сравнения нынешний партнер сравнивается с бывшим супругом, а новый партнер бывшего брачного партнера — с собой:

«Когда не с чем было сравнивать, тогда я думал, что это единственный вариант, или временные трудности, а сейчас я вижу, как может быть, я вспоминаю — зачем мне это было нужно, постоянная нервозность» (м., 40 лет).

«У той женщины [вторая жена бывшего мужа] тоже не однозначная жизнь, у нее он не первый, были браки, она из этой же сферы, из бизнеса. Друзья его мне рассказывали. Это не тот тип характера, она не будет ни домом заниматься, ни переживать за него, ни заботиться, ни пирожки ему печь. Там только “Я”. И когда он несколько раз приходил ко мне, он рассказывал: “Представляешь, я научился пирожки печь”» (ж., 46 лет).

«Меня удивило, что она вставала утром, чтобы сделать мне кофе на завтрак, нонсенс какой-то. Меня это жутко смущало: “Прекращай!”; она: “А мне приятно”. Благо, что из-за маленького ребенка сейчас это все сошло на нет. Там [в первом браке] было так, я сам готовил, сам ел, она питалась в кафе. А здесь так необычно» (м., 37 лет).

Действия бывшего брачного партнера остаются доступны для моральной оценки и после развода, он оценивается как родитель по отношению к детям от совместного брака и детям, появившимся в новых союзах, как супруг для нового партнера. Мониторинг постразводного поведения бывшего партнера проводится для соотнесения с собственной траекторией жизненного курса, установления равенства или конкуренции в построении новых эмоциональных связей:

«Если сын захочет с ним общаться и Артем [бывший муж] откликнется на его общение, я не имею права ему запретить. Но я не хочу, чтоб мне было больно и обидно в это время, чтоб не получилось так, что я одна билась-билась, чтоб он хорошо устроился в жизни, а у меня не очень, и сын идет к нему, а он его принимает со своей новой спутницей жизни, а я сижу одна. Вот этого я не хочу, я хочу, чтобы у меня был человек в жизни, семья» (ж., 29 лет).

«У него [у бывшего мужа] сын родился, а он всегда хотел дочку, я злорадствовала: у него богатая невеста, еще и дочка родится, а тут раз и сын, я думала — есс» (ж., 33 года).

«Он [бывший муж] грозился покончить с собой, плакал, курил, рассказывал всем нашим друзьям, какая я нехорошая — променяла его чуть ли ни на ровесника сына. Спрашивает меня: “Как вы познакомились?”, говорю, через сайт знакомств, он: “Зарегистрируй и меня тоже”. Я очень хотела, чтобы он кого-то там нашел. Он познакомился с девушкой на сайте знакомств, сейчас они женаты и у них уже ребенок, мужчины, знаете ли, страдают, но как-то быстро. Более того, он показывал мне девушек, с которыми встречается, он показал мне троих, попросил одобрить. Встретился с девушкой, у нее ребенок от первого брака. Я ему наглаживала рубашки на все свидания, мы выбирали костюм. Он всем рассказывал, что мы вместе не живем, хотя мы вместе жили до последнего момента. Они с этой девушкой чуть ли не через месяц решили, что они поженятся» (ж., 34 года).

Как собственное поведение, так и поведение супруга в ситуации развода и после расторжения брака презентуется сообразно *моральным правилам развода*. Так, информантами выделяется «достойное» и «недостойное» поведение. Однозначному осуждению подвергается установление нового партнерства в первый год после развода. Это определяется как «предательство» по отношению к распавшемуся союзу:

«Они официально поженились с той женщиной, чуть ли не в том же марте, еще до моего отъезда, наверно, 6 марта был развод, и в этих же числах была и роспись. Он объяснял это так: “Она настаивает, ситуация вот такая, для меня это важно”. Ну, важно и важно» (ж., 46 лет).

«Когда мы с ним встретились год назад, он сказал, что у него родилась дочь. А так как я хочу, чтобы у меня родилась дочка... зачем он мне это сказал? Есть обида, что он так быстро женился. Для меня это очень быстро. Ну, там, может, девочка очень хотела замуж. Обида есть» (ж., 30 лет).

Собственная постразводная карьера часто приводится в соответствие с «правилами»: слишком раннее начало новых отношений как «виновным», так и «невиновным» супругом может скрываться от друзей и родителей, история развития нового партнерства может намеренно удлиняться. Информантом, заключающим новый союз сразу после получения документов о разводе, производится отсчет времени распада брака с момента измены супруга или принятия решения о разрыве, в то время как фактический развод происходит много позже. Раннее вступление в повторный брак может представляться как серьезность намерений, стремление создать новую семью, что «оправдывает» отсутствие «должного» перерыва в интимных союзах:

«Когда развелись, она в тот же день подала заявление на брак, а мы еще повенчаны были, я как-то решил, что я не буду жениться, пока нас не развенчают, не снимут благословение с брака, я написал заявление, ждал, не дождался, потом заболел, не успел подать документы, в общем. Она мне звонит и спрашивает: “Ты подал документы?” А я еще думаю, что ей так интересно, а оказывается, они свадьбу назначили, и ей принципиально было, чтобы они поженились, когда она уже развенчана. А я подал документы только после их свадьбы. То есть они поженились, когда мы были еще повенчаны, это вообще нонсенс для церкви, конечно. У меня было решение, что я не буду подавать на брак, пока не получу эту бумажку. Проходит месяц, два. Ждем-ждем. Бумажки нет. Летом жениться — это будет напряг, все будут жениться, можно в октябре, но надо подать заявление в августе, тоже какие-то накладки были, решили пораньше, в мае, все родственники сказали: в мае — будешь всю жизнь маяться, а я и в прошлый раз в мае женился. Решили в мае, подаем — и на следующий день приходит бумажка, что нас давно уже развели, просто бумажка долго шла» (м., 36 лет).

Ситуация развода обозначает переход от супружеских отношений как межличностных, функционирующих в режиме любви, к институционализированным, разыгрываемым по правилам, эти правила могут быть обнаружены только «на сломе», в режиме отношений, доступном для критики. Поддержание отношений в режиме сотрудничества (при наличии детей) становится требованием правил постразводного «этикета», для «невинного» в разводе формой соблюдения этих правил становится эмоциональная сдержанность в отношении супруга, поддержание хороших отношений с его родственниками и новым брачным партнером. Ребенок становится центром организации родственных связей и единственным легитимным поводом для коммуникации бывших супругов после окончания бракоразводного процесса. От «виновного» в разводе ожидается признание своей вины и ее «компенсации» исполнением своих родительских обязанностей в случае наличия в распавшемся браке ребенка.

Однако некоторые аспекты постразводного поведения обнаруживают нормативные лакуны. Информанты старшей возрастной группы (преимущественно мужчины) описывают поиск нового брачного партнера как действия в поле неопределенности. Романтические знакомства атрибутируются ими более молодым возрастам, когда они воспринимаются проблематичными и естественными. Информанты описывают свое состояние как *«разучился знакомиться»*. Эта проблема провоцируется еще и поколенческой дистанцией, когда состоящие в разводе информанты в возрастах 40–50 лет рассматривают в качестве желаемых брачных партнеров представительниц последующих поколений (иногда с экстремальной разницей в возрасте значительно больше десяти лет). Причины такой рассогласованности требуют отдельного изучения, однако ориентация мужчин на поиск партнера вне собственного поколения и предпочтение скорее непродолжительных отношений говорит о слабой институционализации постразводных практик.

Заключение

Проведенное исследование дает краткую иллюстрацию постразводного поведения, не претендуя на подробный анализ и оставляя за скобками множество сопутствующих вопросов, концентрируясь лишь на некоторых. Так, исследование постразводного и брачного поведения в целом обнаруживает проблему перехода из одного режима в другой: от романтических встреч к совместному быту, от сожительства к браку, от брака к разводу. Возможность возобновления отношений после формального расставания, прекращение супружеских отношений и начало нового союза до официального развода делает определение границ переходов трудным для самих индивидов, а, следовательно, определение правил и координацию соб-

ственных действий. Ситуация долгого развода, когда период от принятия решения до расставания длится около двух лет, делает его менее проблематичным для супруга — инициатора расставания, открывает возможность планирования дальнейшей жизни, в том числе, поиск нового партнера, а также обнаруживает подготовку и реализацию стратегии расставания, развод планируется в «удобное» время. Переход из одного союза в другой может представлять собой наложение двух союзов, когда практики постразводного поведения реализуются еще в браке. Переживание развода как травмы в ситуации, когда разрыв происходит неожиданно для одного из супругов, позволяет различать «виновного» за распад семьи и «жертву», причину разрыва, собственно событие расставания, а также правила, регламентирующие дальнейшее взаимодействие с бывшим брачным партнером, и их ограничения. Становится очевидным, что несколько десятилетий стабильно высокого уровня разводов отражаются на брачном поведении, смещая фокус брачных отношений с единственного пожизненного союза на «включенность» идеи возможного развода в планирование брака. Это формирует культуру развода, понимаемую не как «цивилизованность» расставания, но как набор критериев моральной оценки практик в ситуации развода и после него.

Выражения благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Администрации Волгоградской области в рамках исследовательского проекта №15-13-34002 (а/в) «Постбрачные практики, структура и функционирование рынка повторных браков в современной России».

Литература

- Грушин Б.А. (1963) *Разводы в СССР*. М.: Изд-во МГУ.
- Гурко Т.А. (2008) *Брак и родительство в России*. М.: Институт социологии РАН.
- Забаев И.В. (2011) Логика анализа данных в обоснованной теории (grounded theory): версия Б. Глезера. *Социология: методология, методы, математическое моделирование*, 32: 124–142.
- Карут К. (2009) Травма, время и история. *Травма: пункты: Сборник статей*. Сост. С. Ушакин, Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение: 561–581.
- Мороз О., Суверина Е. (2014) Trauma studies: история, репрезентация, свидетель. *Новое литературное обозрение*, 1(125): 59–74.
- Развод. Демографический аспект*. (1979) Сб. статей под ред. А.Г. Волкова, Л.Е. Дарского. М.: Статистика.
- Седельников С.С. (1992) Позиции супругов и типологические особенности реакции на развод. *Социологические исследования*, 2: 38–46.

Синельников А.Б. (1992) Социально одобряемые причины развода в прошлом и настоящем. *Социологические исследования*, 2: 27–38.

Стросс А., Корбин Дж. (2001) *Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники*. Пер. с англ. и послесловие Т.С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС.

Харчев А.Г. (1979) *Брак и семья в СССР*. М.: Мысль.

Becker G.S. (1981) *A Treatise on the Family*. Cambridge, Harvard University Press.

Becker G.S., Landis M., Michael R. (1977) An Economic Analysis of Marital Instability. *Journal of Political Economy*, 85: 1141–1187.

Bernard J. (1972) *The Future of Marriage*. New York, World Publishing Times Mirror.

Burgess E.W., Cottrell L.S. (1936) The Prediction of Adjustment in Marriage. *American Sociological Review*, 1(5): 737–751.

Cherlin A.J. (2004) The Deinstitutionalization of American Marriage. *Journal of Marriage and Family*, 66: 848–861.

Chiswick C.U., Lehrer E.L. (1990) On Marriage-Specific Human Capital: Its Role as a Determinant of Remarriage. *Journal of Population Economics*, 3: 193–213.

Coleman M., Ganong L.H. (1990) Remarriage and Stepfamily Research in the 1980s: increased interest in an old family form. *Journal of Marriage and the Family*, 52(4): 925–940.

Hackstaff K.B. (1999) *Marriage in a Culture of Divorce*. Philadelphia, Temple University Press.

Hochschild A.R. (2013) *So How's the Family? and Other Essays*. Berkeley, University of California Press.

Jacobs J., Furstenberg F. (1986) Changing Places: Conjugal Careers and Women's Marital Mobility. *Social Forces*, 64(3): 714–732.

Mott F., Moore S. (1983) The Tempo of Remarriage among Young American Women. *Journal of Marriage and the Family*, 45: 427–436.

Oppenheimer V.K. (2003) Cohabiting and Marriage during Young Men's Career Development Process. *Demography*, 40(1): 127–149.

Sweeney M.M. (1995) *Remarriage of Men and Women: The Role of Socioeconomic Prospects*. Madison, Wisconsin: Center for Demography and Ecology, University of Wisconsin.

Teachman J., Hechert A. (1985) The Impact of Age and Children on Remarriage: Further Evidence. *Journal of Family*, 6: 185–203.

Whiteside M.F. (1982) Remarriage: a Family Developmental Process. *Journal of Marital and Family Therapy*, 8: 59–68.

Williams K. (2003) Has the Future of Marriage Arrived? A Contemporary Examination of Gender, Marriage, and Psychological Well-Being. *Journal of Health and Social Behavior*, 44(4): 470–487.

FROM MARRIAGE TO DIVORCE AND BACK. A STUDY OF POST-DIVORCE BEHAVIOR

Elena Laktyukhina*

Department of Sociology, Volgograd State University, Volgograd, Russia

Citation: Laktyukhina E.G. (2017) Ot braka k razvodu i obratno. Issledovaniye post-razvodnogo povedeniya [From marriage to divorce and back. A study of post-divorce behavior]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 20(2): 62–81 (in Russian).

Abstract. The article deals with the post-divorce behavior, a topic that became relevant in the mid-1970s. There are several trends in the study of this issue. There are several tendencies in studying of the matter. The first is related to the work of J. Bernard «The future of marriage» and concentrates on the gender specifics in the perception of a divorce. The second trend originates with the release of G. Becker's "The treatise on the family". The research in this direction is aimed at identifying the relationship between the probability of remarriage and the social status of partners. Another research focus is set by K.B. Hackstaff's book «Marriage in a culture of divorce». K.B. Hackstaff interprets divorce as "built in" marriage and as a new norm.

Starting from the latter point of view the author of the proposed article sets the task to reconstruct the trajectory of marital behavior after the divorce. The materials of in-depth interviews with informants who have experience of divorce have revealed strategies for post-divorce behavior depending on their experience of the situation of divorce (as a trauma, as a release or a formal fixation of an already non-existing union) and their own role in the process of divorce (the initiator or the left partner). The author draws the conclusion that the couple's own behavior and behavior of the former marriage partner is assessed according to the moral rules of divorce. Thus, spouses condemn the building of a new partnership in the first year after the divorce, which is defined as "betrayal" in relation to the disintegrated marriage; their own post-divorce career is also constructed in accordance with this rule.

Keywords: marital behavior, post-divorce behavior, biography of divorce, life course

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Humanitarian Research and the Administration of the Volgograd Region within the framework of the research project No. 15-13-34002 (a/B) "Post-marriage practices, structure and functioning of the re-marriage market in modern Russia".

References

- Becker G.S. (1981) *A Treatise on the Family*. Cambridge, Harvard University Press.
Becker G.S., Landis M., Michael R. (1977) An Economic Analysis of Marital Instability. *Journal of Political Economy*, 85: 1141–1187.

---

* E-mail: Laktyukhina@volsu.ru

- Bernard J. (1972) *The Future of Marriage*. New York, World Publishing Times Mirror.
- Burgess E.W., Cottrell L.S. (1936) The Prediction of Adjustment in Marriage. *American Sociological Review*, 1(5): 737–751.
- Cherlin A.J. (2004) The Deinstitutionalization of American Marriage. *Journal of Marriage and Family*, 66: 848–861.
- Chiswick C.U., Lehrer E.L. (1990) On Marriage-Specific Human Capital: Its Role as a Determinant of Remarriage. *Journal of Population Economics*, 3: 193–213.
- Coleman M., Ganong L.H. (1990) Remarriage and Stepfamily Research in the 1980s: increased interest in an old family form. *Journal of Marriage and the Family*, 52(4): 925–940.
- Grushin B.A. (1963) *Razvody v SSSR* [Divorces in the USSR]. M.: Izd-vo MGU (in Russian).
- Gurko T.A. (2008) *Brak i roditel'stvo v Rossii* [Marriage and Parenthood in Russia]. M.: Institut sotsiologii RAN (in Russian).
- Hackstaff K.B. (1999) *Marriage in a Culture of Divorce*. Philadelphia, Temple University Press.
- Hochschild A.R. (2013) *So How's the Family? and Other Essays*. Berkeley, University of California Press.
- Jacobs J., Furstenberg F. (1986) Changing Places: Conjugal Careers and Women's Marital Mobility. *Social Forces*, 64(3): 714–732.
- Karut K. (2009) *Travma, vremya i istoriya. Travma: punkty: Sbornik statey* [Trauma, time and history. Injury: points: Collection of articles.]. Sost. S. Ushakin, Ye. Trubina. M.: Novoye literaturnoye obozreniye: 561–581 (in Russian).
- Kharchev A.G. (1979) *Brak i sem'ya v SSSR* [Marriage and Family in the USSR]. M.: Mysl' (in Russian).
- Moroz O., Suverina Ye. (2014) *Trauma studies: istoriya, reprezentatsiya, svidetel'* [Trauma studies: history, representation, witness]. *Novoye literaturnoye obozreniye*, 1(125): 59–74 (in Russian).
- Mott F., Moore S. (1983) The Tempo of Remarriage among Young American Women. *Journal of Marriage and the Family*, 45: 427–436.
- Openheimer V.K. (2003) Cohabiting and Marriage during Young Men's Career Development Process. *Demography*, 40(1): 127–149.
- Razvod. Demograficheskiy aspekt* [Divorce. Demographic aspect]. (1979) Sb. statey pod red. A.G. Volkova, L.Ye. Darskogo. M.: Statistika (in Russian).
- Sedelnikov S.S. (1992) *Pozitsii suprugov i tipologicheskiye osobennosti reaktsii na razvod* [The positions of the spouses and the typological characteristics of the reaction to divorce]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 2: 38–46 (in Russian).
- Sinelnikov A.B. (1992) *Sotsial'no odobryayemye prichiny razvoda v proshlom i nastoyashchem* [Socially approved causes of divorce in the past and present]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 2: 27–38 (in Russian).
- Strauss A., Korbin J. (2001) *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, protsedury i tekhniki* [Bases of qualitative research: sound theory, procedures and techniques]. Transl. from English by T.S. Vasilyeva. M.: Editorial URSS (in Russian).
- Sweeney M.M. (1995) *Remarriage of Men and Women: The Role of Socioeconomic Prospects*. Madison, Wisconsin: Center for Demography and Ecology, University of Wisconsin.
- Teachman J., Hechert A. (1985) The Impact of Age and Children on Remarriage: Further Evidence. *Journal of Family*, 6: 185–203.

Whiteside M.F. (1982) Remarriage: a Family Developmental Process. *Journal of Marital and Family Therapy*, 8: 59–68.

Williams K. (2003) Has the Future of Marriage Arrived? A Contemporary Examination of Gender, Marriage, and Psychological Well-Being. *Journal of Health and Social Behavior*, 44(4): 470–487.

Zabayev I.V. (2011) Logika analiza dannykh v obosnovannoy teorii (grounded theory): versiya B. Glezera [The logic of data analysis in a grounded theory: the version of B. Glezer]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoye modelirovaniye* [Sociology: methodology, methods, mathematical modeling], 32: 124–142 (in Russian).